

Мари Скай

Спорим, не
отвертишься?

Мари Скай

Спорим, не отвертишься?

<https://litres.ru/74546298>

Аннотация

Наследство или пари? Для мажора Александра это игра. Он уверен: ни одна не согласится на его условия. Пока не встречает её.

Деньги или честь? Для Алисы это сделка. Она соглашается притвориться невестой, чтобы спасти семью. Главное правило — без чувств.

Их общая игра, где притворство становится опаснее правды, а условие «не влюбляться» — самым трудным пунктом контракта.

Книга участвует в литмобе "Игры мажоров" -

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИ СКАЙ

Содержание

Глава 1: Спорим, не отвертишься?	4
Глава 2: Выход в свет, или Как не влюбиться, глядя в эти глаза	23
Глава 3: В логове зверя	29
Глава 4: Первый поцелуй	34
Глава 5: Ночь без правил, или Когда пункт 7 перестает существовать	44
Глава 6: Точка невозврата	51
Глава 7: Звонок, который всё меняет	58
Глава 8: Гостя из прошлого	65
Глава 9: Скелеты в шкафу миллионера	73
Глава 10: То, что правильно	82
Глава 11: Сборы	87
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Глава 1: Спорим, не отвертишься?

— Слабо?

Два коротких слова, брошенных с ленивой усмешкой, и тишина за столом становится абсолютной.

Я откидываюсь в кресле, наблюдая, как переглядываются мои «верные» друзья. Вишневый дым от сигары завивается к потолку элитного лаунж-бара «Атмосфера», где один час стоит как месячная зарплата официанта, который сейчас замер у стойки с подносом. Кожаный диван прогибается подо мной, коньяк 50-летней выдержки греет бокал в руке — идеальная картинка. Идеальная скука.

— Саш, ты уже переигрываешь, — Руслан, мой друг детства, качает головой. Черные волосы зачесаны назад, на запястье «Ролекс», который он купил после первой удачной сделки. — Твое хвастовство достало даже стены.

— Я не хвастаюсь, — я делаю глоток, позволяя напитку обжечь горло. — Я констатирую факт. Мой дед, царствие ему небесное, был гением или безумцем. И то, и другое, если честно. Завещал мне состояние, которым можно купить небольшую страну, но с одним условием.

— Мы знаем это условие, Саш, — закатывает глаза Вероника. Моя бывшая. Два месяца назад. Она сидит, положив ногу на ногу, юбка задралась так, что видно кружево чулок. Я равнодушно отмечаю это и отвожу взгляд. Было — про-

шло. — Жениться по любви. Уморительно.

— Именно, — я ставлю бокал на стол. — Жениться по любви. Не по расчету, не по залету, не по договоренности семей. По гребаной любви. Мой дед верил в сказки. А я нет.

— И что ты предлагаешь? — Паша, вечно пьяный и веселый, подается вперед. — Найти дуру, влюбить в себя и развести?

— Скучно, — я усмехаюсь. — И примитивно. Я предлагаю пари.

В этот момент я чувствую это — тот самый электрический разряд азарта, который заставляет кровь бежать быстрее. Я люблю игры. Я люблю выигрывать. И я люблю доказывать, что этот мир прогнил настолько, что даже любовь можно купить, если предложить правильную цену.

— Пари? — Руслан приподнимает бровь. — Какое?

— Я найду девушку, — я делаю паузу, наслаждаясь моментом, — которая согласится на фиктивный брак по контракту. С четкими условиями, сроками и пунктом «без чувств».

Тишина взрывается смехом. Вероника фыркает:

— Это легко! Любая согласится за такие бабки.

— Вот тут ты ошибаешься, дорогая, — я наклоняюсь вперед, и мой голос становится тише. — Я говорю не о браке ради денег. Я говорю о браке, где главное правило — не влюбиться. Где оба подписывают документ, обязуясь не испытывать эмоций. Где нарушение контракта карается потерей

всего. Ни одна уважающая себя девушка на это не пойдет.

— Почему? — Паша хлопает глазами.

— Потому что это публичное признание, что она — проститутка, — спокойно отвечаю я. — Не жена, не невеста, не партнер. Актриса, нанятая для роли. И за это надо иметь стальные яйца... или полное отсутствие самоуважения.

— И какая ставка? — Руслан уже заинтересован.

— Если я проигрываю и не нахожу такую девушку в течение месяца — я плачу каждому из вас по лямку рублей. Просто так.

Глаза присутствующих загораются. Лям — это не те деньги, от которых отказываются.

— А если находишь? — голос Вероники становится подозрительным.

— Если нахожу и она подписывает контракт — вы платите мне по лямку. И признаете, что я — бог цинизма и король реализма.

Руслан протягивает руку:

— Идет. Но девушка должна быть... достойной. Не какая-нибудь танцовщица из клуба, готовая на всё за корочку хлеба.

— Разумеется, — я пожимаю его руку. — Я сам установлю планку. Образование, воспитание, внешность... и главное — отсутствие отчаяния. Она должна идти на это не с голодухи, а... из интереса. Как на сделку.

Мы чокаемся коньяком. Пари заключено.

Я еще не знаю, что через три часа встречу ту, кто разнесет мою стройную теорию в щепки.

Бар «Инкогнито» — место, куда я захожу, когда хочу сбежать от «Атмосферы» и ее пафосной публики. Здесь темно, дымно, играет живой джаз, и никто не смотрит на тебя как на кошелек с ногами. Я люблю это место за анонимность.

Я сижу в углу, потягивая виски, когда слышу ее голос.

Не то чтобы я услышал слова. Я услышал интонацию. Она разговаривала с кем-то по телефону, сидя через два столика от меня, и в ее голосе было столько отчаяния, замаскированного под спокойствие, что я невольно прислушался.

— Нет, мам, я решу. Я сказала — решу. Не бери кредиты, слышишь? Никаких микрозаймов. Я сама.

Пауза. Она слушает, и я вижу, как ее пальцы сжимают край стола. Красивые пальцы, без маникюра, но ухоженные. На запястье — старые часы, мужские, явно дорогие когда-то, но теперь потерянные.

— Я не знаю как. Но найду. Не плачь, пожалуйста. Я придумаю что-нибудь.

Она отключается и несколько секунд сидит неподвижно. Потом поднимает голову, и я вижу ее лицо в свете тусклой лампы.

И у меня внутри что-то щелкает.

Это не та реакция, которую я ожидал. Я привык оценивать

женщин холодно: глаза, губы, фигура, общий вайб. Здесь всё было не так. Она была... настоящей. Темные волосы собраны в небрежный пучок, выбившаяся прядь падает на щеку. Глаза большие, серые, с зелеными крапинками, которые я замечаю, даже несмотря на расстояние. Губы — без помады, но такие, что хочется смотреть на них бесконечно. Одета просто: джинсы, свитер, который ей велик размера на два. Но в этом свитере она выглядит так, будто его владелец — самый счастливый человек на земле.

Она подзывает официанта и заказывает еще чай. Самый дешевый чай в меню. Я это замечаю. И еще замечаю, как она достает из сумки конверт, пересчитывает купюры, вздыхает и убирает обратно.

Я должен пройти мимо. Я должен забыть этот случайный разговор. Я должен искать ту самую «достойную девушку» по своим критериям.

Вместо этого я встаю и подхожу к ее столику.

— Простите, — говорю я, и она поднимает на меня глаза. Вблизи они еще более... опасные. В них есть глубина, в которой можно утонуть. — Я не мог не заметить, что вы расстроены. Могу я составить вам компанию?

Она смотрит на меня так, будто я — галлюцинация. Потом усмехается, и усмешка выходит горькой:

— Вы всегда подходите к незнакомым девушкам в барах с таким странным предложением?

— Только когда они выглядят так, будто им нужен кто-

то, кто просто посидит рядом и не будет лезть в душу, — отвечаю я честно.

Она молчит несколько секунд. Изучает меня. Мой костюм, который стоит как ее месячный бюджет. Мои часы, которые стоят как годовой. Мои глаза.

— Садитесь, — наконец говорит она. — Хуже уже не будет.

Я сажусь напротив. Официант подходит мгновенно — здесь меня знают.

— Ей еще чай, — киваю я на ее кружку. — И мне то же. И принесите тех пирожных, которые она любит, — я киваю на витрину.

— Каких? — официант хлопает глазами.

— С заварным кремом, — говорю я, хотя понятия не имею, любит ли она их. Просто они выглядят так, будто могут поднять настроение.

Девушка напротив смотрит на меня с удивлением.

— Откуда вы знаете, что я люблю именно эти?

— Я экстрасенс, — серьезно отвечаю я. — А вообще — не знаю. Просто надеюсь, что угадал.

Она молчит, и вдруг уголки ее губ дергаются в улыбке. Первая улыбка за вечер. Маленькая, осторожная, но настоящая.

— Вы странный, — говорит она.

— Я Александр, — протягиваю руку.

Она колеблется секунду, потом пожимает. У нее теплая

ладонь, несмотря на холодный вечер.

— Алиса.

Мы говорим два часа.

Я не помню, когда в последний раз так разговаривал с женщиной. Обычно мои диалоги с противоположным полом строятся по четкой схеме: остроумие, флирт, намеки, комплименты, постель. С Алисой всё иначе.

Она не кокетничает. Не строит глазки. Не делает вид, что ей интересно, когда ей скучно. Она спорит со мной о политике, поправляет меня в вопросах истории (я считал себя экспертом, оказалось — дилетант), рассказывает смешные истории из своей работы в какой-то конторе, где она кем-то там руководит (я плохо слушаю про работу, потому что смотрю на ее губы).

И смеется. Когда она смеется, весь бар перестает существовать. Есть только этот смех, заразительный, чуть хрипловатый, и ее глаза, в которых загораются чертики.

— Вы всегда такой самоуверенный? — спрашивает она, когда я в очередной раз отпускаю комплимент, который она пропускает мимо ушей.

— Только когда рядом есть на кого произвести впечатление.

— А на меня это не действует, — она отпивает чай. — Я видела таких, как вы. Деньги, уверенность, привычка получать всё по первому требованию. Скучно.

— Таких, как я? — я приподнимаю бровь. — Интересно, и много нас?

— Достаточно, чтобы понять: за внешним лоском часто пустота. Вы умеете красиво говорить, Александр. Но что у вас внутри?

Этот вопрос бьет точнее, чем я ожидаю. Потому что я и сам не знаю ответа.

— А вы всегда такая прямая? — парирую я.

— Только когда терять нечего, — она усмехается, и в усмешке снова проскальзывает та горечь, которую я заметил в начале.

Я смотрю на часы. Два ночи. Мы говорили два часа, и мне кажется, что прошло двадцать минут.

— Мне пора, — она встает, поправляя свитер. — Спасибо за компанию. И за пирожные. Вы действительно угадали — я их обожаю.

— Подождите, — я тоже встаю. — Давайте я вас провожу. Поздно, район не самый безопасный...

— Я сама, — отрезает она, и в ее голосе появляется сталь. — Я сама справляюсь. Всегда.

Она уходит, не оборачиваясь. Я смотрю, как ее фигура исчезает в темноте, и чувствую то, чего не чувствовал давно. Желание догнать. Остановить. Узнать больше.

Вместо этого я возвращаюсь к своему столику и вижу забытую ею салфетку. На ней что-то написано. Я разворачиваю и читаю: «Если вы это читаете, значит, я дура. Но раз уж так

вышло... может, еще увидимся. Алиса».

И номер телефона.

Я улыбаюсь. Впервые за долгое время — искренне.

— Это безумие, — говорит Алиса три дня спустя.

Мы сидим в том же «Инкогнито». Я позвонил на следующий же день, и она согласилась встретиться с подозрительной легкостью. Сейчас она смотрит на меня так, будто у меня выросла вторая голова.

— Почему? — я спокоен. Я изложил ей суть предложения максимально честно. Контракт, пари, деньги, условия. Всё.

— Потому что это... — она подбирает слово, — униЗИтельно. Вы предлагаете мне стать вашей игрушкой.

— Нет, — я качаю головой. — Я предлагаю вам сделку. Равноправное партнерство. У вас проблемы с деньгами, у меня — с наследством. Я решаю ваши, вы — мои. Никаких игрушек. Четкие рамки, юридическая защита, пункт о невмешательстве в личную жизнь. Всё по-взрослому.

— И пункт «без чувств», — она усмехается. — Серьезно? Вы действительно думаете, что это можно проконтролировать?

— Можно, — я смотрю ей прямо в глаза. — Если оба понимают, что это игра. Если оба знают правила. Чувства — это нарушение контракта. Я не хочу их, Алиса. И вы, судя по вашему взгляду, тоже не ищите принца на белом коне.

Она молчит долго. Очень долго. Я вижу, как в ее глазах

борются эмоции. Гордость. Отчаяние. Надежда. Страх.

— Сколько? — наконец спрашивает она.

Я называю сумму. Она сглатывает. Это в два раза больше, чем ей нужно для решения всех проблем.

— И никакого секса? — она смотрит с вызовом.

— Никакого, если вы этого не захотите, — спокойно отвечаю я. — Пункт 12. Физическая близость только по обоюдному письменному согласию на каждый конкретный случай.

— Письменному? — она фыркает. — Вы издеваетесь?

— Юристы любят бумажки, — пожимаю плечами. — Но да, это защищает нас обоих от неловких ситуаций.

Она снова молчит. Потом протягивает руку:

— Дайте посмотреть этот ваш контракт.

Я достаю из внутреннего кармана пиджака папку. Она берет, открывает, начинает читать. Я наблюдаю за ее лицом. Оно меняется от удивления до возмущения, от возмущения до смеха.

— Пункт 7, — читает она вслух, — «Стороны обязуются не развивать романтических чувств друг к другу. В случае возникновения таковых сторона-инициатор обязана уведомить другую сторону в письменной форме...» Вы серьезно? Письменное уведомление о влюбленности?

— А что вы предлагаете? Устное? — усмехаюсь я. — Это же юриспруденция, Алиса. Любовь — это форс-мажор.

Она смеется. По-настоящему, заливисто, от души. И я снова понимаю, что готов слушать этот смех вечно.

— Вы чокнутый, — говорит она, вытирая выступившие слезы. — Вы просто чокнутый миллионер с манией контроля.

— Возможно, — соглашаюсь я. — Но я хотя бы честен. Я не обещаю вам любовь, романтику и закаты. Я обещаю деньги, безопасность и четкое соблюдение правил. И свободу в остальном.

— Свободу? — она приподнимает бровь. — Какую?

— Вы не обязаны отчитываться мне, с кем спите, куда ходите, что думаете. Мы играем роли только на публике. В остальное время вы — сами по себе.

Она смотрит на меня долгим взглядом. Изучает. Взвешивает.

— А если я влюблюсь в кого-то другого?

— Расторгнем контракт досрочно. Вы получите половину суммы. Я получу свободу.

— А если вы?

— Я не влюбляюсь, — усмехаюсь я. — Это не входит в мои планы.

— Самоуверенный, — качает она головой, но в ее голосе нет осуждения. — Ладно. Знаете что, Александр? Я, наверное, тоже чокнутая. Потому что я согласна.

Она протягивает руку. Яжимаю. И в этот момент, когда ее пальцы касаются моих, по вене пробегает ток.

Я говорю себе, что это просто адреналин. Просто азарт. Просто игра.

Я вру.

Мы встречаемся на следующий день у нотариуса. Всё официально, чопорно, сухо. Алиса в строгом костюме, который, судя по тому, как он на ней сидит, взят напрокат. Но выглядит она сногшибательно. Юбка-карандаш, белая блузка, волосы убраны в строгий пучок. Только одна непослушная прядь выбивается, и я ловлю себя на желании заправить ее за ухо.

— Не смотрите так, — шепчет она, когда нотариус раскладывает бумаги.

— Как?

— Будто я — десерт, который вы собрались съесть.

— Я просто оцениваю качество актива, — отвечаю я тем же тоном. — Пункт 3.1 — внешний вид должен соответствовать статусу мероприятия. Вы соответствуете.

Она фыркает, но я вижу, как дергаются уголки губ.

Мы подписываем. Чернила ложатся на бумагу. С этого момента мы официально — жених и невеста. Фиктивные. Контрактные. Чужие друг другу.

Нотариус поздравляет нас и оставляет одних в переговорной.

— Ну вот и всё, — Алиса смотрит на свою подпись. — Я продала душу дьяволу.

— Дьяволу? — я приподнимаю бровь. — Я польщен.

— Вы знаете, что я имею в виду, — она поднимает на меня

глаза. — Теперь мы должны играть. Встречаться на публике, делать вид, что мы пара, терпеть друг друга.

— Терпеть? — я делаю шаг ближе. — Обижаете. Я думал, мы хотя бы нравимся друг другу. Прошлый вечер был... приятным.

— Приятным, — соглашается она. — Но это не значит, что я готова с вами целоваться.

— А кто говорит о поцелуях? — я наклоняюсь чуть ближе. Она не отстраняется, но в ее глазах загорается предупреждение. — Я просто предлагаю отметить сделку. Ужин. Сегодня вечером. Без свидетелей.

— Без свидетелей? — усмехается она. — Александр, в контракте сказано, что личное общение не регламентируется, но...

— Но мы можем его регламентировать, — перебиваю я. — Ужин, Алиса. Еда. Разговор. Без обязательств. Хотите — принесите с собой письменное согласие на каждый кусок, который я положу в рот.

Она смеется. Этот смех снова пробирает до мурашек.

— Вы невозможны, — говорит она. — Ладно. Ужин. Но если вы попытаетесь меня соблазнить, я воспользуюсь пунктом 14.3.

— А что там?

— Право ударить нахала по лицу без юридических последствий.

— Вы выучили контракт? — удивляюсь я.

— Я выучила всё, что может меня защитить от такого, как вы, — она подмигивает и выходит из переговорной, оставляя меня смотреть на покачивание бедер в строгой юбке.

И я понимаю, что эта игра будет опаснее, чем я думал.

Я везу ее в ресторан, где обычно не бываю сам. Слишком романтический, слишком интимный. Маленький зал на десять столиков, свечи, живая музыка, вид на ночной город. Алиса смотрит по сторонам с любопытством.

— Здесь красиво, — говорит она, садясь за столик. — Но вы уверены, что это не нарушает контракт? Слишком похоже на свидание.

— Это не свидание, — поправляю я. — Это ознакомительная встреча. Мы должны узнать друг друга лучше, чтобы убедительно играть роли.

— И поэтому свечи? — она приподнимает бровь.

— Освещение, — парирую я. — Здесь мягкий свет, он скрывает недостатки.

— Какие недостатки? — она улыбается. — У меня их нет.

— Самоуверенность — это недостаток.

— Вы первый начали.

Мы смеемся, и напряжение тает.

Вечер летит незаметно. Мы говорим обо всем. Я рассказываю про деда, про его дурацкое завещание, про то, как он меня воспитал. Она слушает, и в ее глазах появляется что-то теплое.

— Вы его любили, — говорит она. — Дед.

— Любил, — соглашаюсь я. — Он был единственным, кто не смотрел на меня как на кошелек.

— А я любила отца, — она смотрит в окно. — Он умер, когда я была маленькой. Оставил только эти часы, — она касается запястья, где висят те самые мужские часы. — И долги, о которых мы не знали.

— Поэтому вы согласились? — спрашиваю я тихо.

— Поэтому, — она поворачивается ко мне. — Мама болеет. Сестре нужно платить за учебу. Дом продавать нельзя — там всё, что у нас есть. Я задолжалась так, что не вижу выхода. А тут вы со своим безумным предложением.

— Судьба, — усмехаюсь я.

— Или насмешка, — она улыбается, но в улыбке грусть.

Я протягиваю руку и касаюсь ее пальцев. Она не убирает.

— Я не обижу вас, Алиса. Обещаю.

— Вы не можете этого обещать, — тихо говорит она. — Контракт есть контракт.

— Контракт защищает ваши финансы. Я защищу вас.

Она смотрит на меня долго. Очень долго. Потом убирает руку.

— Не надо, Александр. Не усложняйте. Мы договорились — никаких чувств.

— Это не чувства, — вру я. — Это просто... человеческое отношение.

— Человеческое отношение опаснее чувств, — она под-

нимает бокал. — За сделку. Пусть она не разрушит нас.

— За сделку, — повторяю я, чокаясь.

Вино обжигает горло. Алиса облизывает губы, и я сглатываю.

Я влип.

Мы выходим из ресторана, и ночной воздух бьет в лицо. Алиса зябко кутается в легкое пальто.

— Замерзли? — спрашиваю я, снимая пиджак и накидывая ей на плечи.

— Вы замерзнете, — протестует она.

— Я крепкий, — усмехаюсь я. — Поехали, отвезу вас домой.

В машине тепло и тихо. Она сидит на пассажирском сиденье, смотрит в окно. Я смотрю на ее отражение в стекле.

— О чем думаете? — спрашиваю я.

— О том, как быстро можно продать душу, — отвечает она не оборачиваясь. — И о том, что обратно её уже не купишь.

— Драматизируете.

— Реалистично оцениваю. Я только что подписала бумагу, по которой я — ваша собственность на год.

— Не собственность, — поправляю я. — Партнер.

— Какая разница? — она поворачивается ко мне. — Вы платите, я играю роль. Это проституция, только дорогая и с юридической защитой.

— Алиса...

— Я не жалуюсь, — перебивает она. — Я просто говорю как есть. И прошу вас... не будьте слишком добрым. Это только усложнит.

Я останавливаю машину у ее подъезда. Дешевый район, обшарпанные дома, тусклые фонари. Она здесь живет.

— Я провожу, — говорю я.

— Не надо, — она открывает дверь. — Спасибо за вечер. Завтра первое официальное мероприятие, да? Ваш друг Руслан пригласил на вечеринку.

— Да, — киваю я. — Я заеду в семь.

— Буду готова, — она выходит, но я тоже выхожу.

— Алиса.

Она оборачивается. Я подхожу ближе. Слишком близко.

— Что? — ее голос чуть дрожит.

— Я хочу кое-что прояснить, — говорю я тихо. — Я не буду к вам приставать. Не буду нарушать границы. Но когда мы на людях... когда нам придется играть... я буду смотреть на вас так, будто вы — всё, что мне нужно. Чтобы никто не усомнился. Вы готовы к этому?

— Готова, — ее дыхание сбивается.

— И я буду касаться вас. Вот так, — я кладу руку ей на талию, чувствуя тепло даже через пальто. — И вот так, — я провожу пальцем по ее щеке. — Это часть игры. Вы понимаете?

— Понимаю, — шепчет она, и ее глаза расширяются.

Мы стоим так несколько секунд. Ближе, чем позволяют правила. Дальше, чем можно терпеть. Я чувствую ее запах — ваниль и что-то горьковатое, настоящее. Я вижу, как бьется жилка у нее на шее. Я вижу, как ее губы приоткрываются.

Я должен поцеловать ее. Это было бы логично. Правильно. Естественно.

Я не целую.

— До завтра, Алиса, — говорю я, убирая руку.

В ее глазах мелькает что-то — разочарование? облегчение? — и она исчезает в подъезде.

Я стою под фонарем, сжимая в кармане салфетку с ее номером, и понимаю: самое опасное в этой игре — не потерять деньги. Самое опасное — потерять себя.

А я уже начинаю терять.

Добро пожаловать в новую историю, которая пишется в рамках литмоба "Игры мажоров"

<https://litnet.com/shrt/N1sz>

“ИГ

Мари
СКАЙ

Спорим,
НЕ ОТВЕРТИШЬСЯ?

Глава 2: Выход в свет, или Как не влюбиться, глядя в эти глаза

Я просыпаюсь в шесть утра с четким ощущением, что совершила ошибку.

Не просто ошибку. Грандиозный, эпический, вселенских масштабов провал. Я продала душу дьяволу, а он еще и сдачу попросил.

Вчерашний вечер прокручивается в голове как на повторе. Свечи. Его глаза. Тепло его пальцев на моей щеке. И этот момент у подъезда, когда он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание, и мое сердце билось где-то в горле, и я думала: «Если он поцелует меня, я пропала».

Он не поцеловал.

И от этого почему-то еще хуже.

Я переворачиваюсь на другой бок и смотрю на потолок. На обоях желтое пятно от протечки, которое мы никак не можем заделать. На тумбочке — конверт с деньгами, которые Александр «одолжил» мне авансом до подписания контракта. «На всякий случай», сказал он. «Чтобы вы не волновались».

Я не волнуюсь. Я в панике.

Маме я сказала, что нашла высокооплачиваемую работу в крупной компании. Связалась с западными партнерами,

нужно сопровождать важного клиента, много мероприятий, командировки. Она обрадовалась. Она всегда радуется, когда у меня всё хорошо. Она не знает, что её дочь теперь — профессиональная невеста миллионера-психопата с манией контроля.

Хотя какой он психопат? Он... другой.

Я сажусь в кровати и трясу головой, пытаюсь вытряхнуть оттуда мысли об Александре. Нельзя. Нельзя думать о нем как о мужчине. Он — работодатель. Контрагент. Источник финансов. Всё.

Встаю, плетусь в душ. Вода обжигает, но мысли не отпускают. Сегодня первый выход в свет. Вечеринка у его друга Руслана. Будут все эти... как их... сливки общества. Люди, для которых бутылка вина за тысячу долларов — это норма, а не моя месячная зарплата.

Я смотрю на свое отражение в запотевшем зеркале. Обычная девушка. Обычное лицо. Обычное тело. Что он во мне нашел? Почему выбрал меня?

Хотя ответ прост: потому что я согласилась. Потому что у него было пари, а я оказалась в нужное время в нужном месте с протянутой рукой.

Я выключаю воду и решительно вытираюсь. Хватит рефлексии. Сегодня вечером я должна быть идеальной. Неотразимой. Убедительной. Чтобы никто не усомнился, что этот самоуверенный мажор мог влюбиться в такую, как я.

И главное — не влюбиться самой.

В семь вечера я готова. Ну, настолько, насколько это вообще возможно.

Платье я купила вчера после нашего ужина. Пошла в первый попавшийся магазин, показала продавщице фотографию с телефона (я успела сфоткать платье, которое Александр одобрил в сообщении — «Надень что-нибудь красное, идет к твоим глазам») и тупо сказала: «Мне нужно такое же, но чтобы я могла себе позволить».

Продавщица, женщина с понимающим взглядом, подобрала вариант. Не дизайнерский, конечно, но очень похожий. Красное, в пол, с открытой спиной. Когда я его померила, у меня перехватило дыхание. Я никогда не носила такого. Я вообще не носила платьев дороже трех тысяч рублей.

Это стоило пятнадцать. Но это инвестиция, уговариваю я себя. Инвестиция в роль.

Сейчас я стою перед зеркалом и не узнаю себя. Волосы уложены в мягкие волны (пятнадцать видео на ютубе и три часа практики сделали своё дело). Макияж — яркий, но не вульгарный. Губы красные, глаза подведены так, что кажутся огромными. И платье... боже, это платье.

Оно облегает фигуру так, будто сшито по мне. Спина открыта почти до самого... ну, вы поняли. Декольте глубокое, но не вызывающее. И цвет. Красный. Греховный. Опасный.

Я делаю глубокий вдох и смотрю на часы. Без пяти семь. Сейчас он приедет.

Звонок в дверь раздается ровно в семь. Пунктуальный. Конечно, пунктуальный. У него же всё по контракту.

Я открываю.

И забываю, как дышать.

Александр стоит на пороге в идеальном темно-синем костюме, без галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута. В руках — букет белых пионов. Он смотрит на меня.

Смотрит так, что мне хочется провалиться сквозь пол.

— Алиса, — выдыхает он.

Голос хриплый. Чужой.

— Что? — мой голос тоже дрожит. — Что-то не так?

Он молчит несколько секунд. Просто смотрит. Скользит взглядом по моим волосам, по лицу, по шее, по платью... задерживается на открытой спине... возвращается к глазам.

— Всё так, — наконец говорит он. — Абсолютно всё так. Вы... охренеть.

Я смеюсь, потому что иначе разревусь.

— Спасибо за комплимент. Очень поэтично.

— Я не поэт, — он протягивает цветы. — Я человек дела. А дело говорит: вы самая красивая женщина, которую я видел в своей жизни. И я сейчас не играю.

Я беру цветы. Наши пальцы соприкасаются, и по руке бежит ток.

— Зато я играю, — напоминаю я, надеясь, что голос звучит уверенно. — С сегодняшнего вечера — официально. Подождите секунду, поставлю их в воду.

Я убегаю на кухню и прислоняюсь лбом к холодному холодильнику. Спокойно, Алиса. Спокойно. Это просто работа. Просто игра. Просто мужчина с красивыми глазами и опасной улыбкой. Ничего особенного.

— Алиса? — его голос из коридора. — Всё хорошо?

— Да! — кричу я бодро. — Иду!

Я возвращаюсь, на ходу поправляя платье. Александр смотрит на меня и качает головой.

— Что? — снова напрягаюсь я.

— Ничего. Просто думаю: какого черта я подписал этот пункт «без чувств»?

— Вы его сами придумали, — напоминаю я.

— Я идиот, — соглашается он. — Поехали. Нас ждут стервятники.

Он подает мне руку. Я беру её, чувствуя тепло его ладони. Мы выходим в ночь.

Цель у мажора я

Катя Куница

<https://litnet.com/shrt/R30s>

Камя
КУНИЦА

Цель и
МАЖОРА

МОЛОДЕЖНЫЙ ПЬЮБОВНИЙ РОМАН

Глава 3: В логове зверя

Особняк Руслана — это не дом, это дворец. Я смотрю в окно машины, и у меня отвисает челюсть. Мраморные львы у входа. Каскады фонтанов. Огромные окна, из которых льется золотой свет. И вереница машин, каждая из которых стоит как наша квартира.

— Не бойся, — тихо говорит Александр. Мы уже перешли на «ты» по дороге — для убедительности. — Я буду рядом.

— Я не боюсь, — вру я. — Я в ужасе.

— Это нормально, — он сжимает мою руку. — Первый выход всегда самый страшный. Потом втянешься.

— А если я опозорю тебя? Если скажу что-то не то или вилку не той стороной возьму?

— Алиса, — он поворачивается ко мне и смотрит в глаза. — Ты умная, красивая, острая на язык. Ты справишься. Просто будь собой. Только чуть более влюбленной в меня.

— Влюбленной? — я приподнимаю бровь. — В тебя?

— Именно, — он ухмыляется. — Смотри с обожанием. Слушай с интересом. Смейся моим шуткам.

— А если они несмешные?

— Смейся громче. Это раздражает врагов.

Я смеюсь. Реально смеюсь. И напряжение отступает.

Мы выходим из машины, и сразу несколько голов поворачиваются в нашу сторону. Александр берет меня за руку,

переплетая пальцы, и мы идем ко входу. Его ладонь теплая, уверенная. Я чувствую, как от него исходит какая-то сила, и невольно прижимаюсь ближе.

— Хорошо, — шепчет он мне в волосы. — Так и держись.

Внутри — адская смесь из дыма, музыки, смеха и дорогих духов. Люди в вечерних нарядах, бриллианты сверкают ярче люстр, официанты лавируют с подносами, уставленными шампанским. Я чувствую себя Золушкой, которая случайно попала во дворец, но забыла, что в полночь всё исчезнет.

— Расслабься, — шепчет Александр, чувствуя мое напряжение. — Ты здесь самая красивая. Пусть они завидуют.

— Кому? — не понимаю я.

— Мне, конечно, — он улыбается, и в этой улыбке столько тепла, что мне становится легче.

— Сашка! — к нам подлетает Руслан, высокий брюнет с хищным лицом. — А вот и виновник торжества! И... — он смотрит на меня, и его взгляд становится оценивающим, слишком откровенным. — А это, видимо, та самая девушка, из-за которой ты проиграешь пари?

— Здравствуйте, — говорю я спокойно, протягивая руку. — Алиса. А вы, видимо, тот самый друг, который не верит в удачу Саши?

Руслан усмехается, пожимая мою руку чуть дольше, чем нужно.

— Острая. Мне нравится. Пойдемте, познакомлю вас с публикой.

Вечер превращается в калейдоскоп лиц, имен и рукопожатий. Я улыбаюсь, киваю, говорю правильные вещи. Александр не отпускает мою руку ни на секунду. Иногда гладит большим пальцем мои пальцы, и от этих прикосновений по коже бегут мурашки.

Я играю. Играю так, как никогда в жизни. Смотрю на него с нежностью, когда он говорит. Смеюсь его шуткам (некоторые действительно смешные). Поправляю ему галстук, которого нет. Кладу голову ему на плечо, когда мы стоим в очереди к бару.

И самое страшное — мне это нравится.

Мне нравится чувствовать его рядом. Нравится, как он смотрит на меня. Нравится, как его рука лежит на моей талии, чуть ниже, чем позволительно, но я не возражаю. Нравится запах его парфюма — древесный, с нотками цитруса.

Я влипла. По-настоящему.

— Ой, Сашенька! Привет!

Я оборачиваюсь на голос — сладкий, тягучий, как патока — и вижу её. Блондинка. Высокая, длинноногая, в платье, которое скорее отсутствует, чем присутствует. Декольте до пупа, разрез до бедра, бриллиантов на шее столько, что можно открывать ювелирный магазин.

Она подлетает к Александру и виснет на нем, чмокая в щеку. Я чувствую, как мои пальцы непроизвольно сжимаются.

— Вероника, — Александр вежливо, но холодно отстраняется. — Рад тебя видеть. Это Алиса, моя невеста.

Вероника переводит взгляд на меня. Оценивает. С ног до головы. Мое платье за пятнадцать тысяч против её «Шанель». Мои скромные сережки против её бриллиантов. Мою естественность против её ботокса.

— Невеста? — её бровь ползет вверх. — Какая прелесть. А где вы познакомились?

— В баре, — отвечаю я спокойно. — Он подошел ко мне и сказал, что я выгляжу так, будто мне нужен кто-то, кто просто посидит рядом.

— Романтично, — Вероника усмехается. — А чем вы занимаетесь, Алиса?

— Работаю в небольшой компании, — я не вдаюсь в детали. — А вы?

— Я? — она делает вид, что удивлена вопросу. — Я отдыхаю. Знаете, иногда полезно ничего не делать.

— Знаю, — улыбаюсь я. — Особенно когда нечем заняться.

Тишина. Руслан, стоящий рядом, давится смехом. Александр смотрит на меня с уважением. Вероника багровеет под слоем тоналки.

— Мило, — цедит она сквозь зубы. — Сашенька, надеюсь, ты счастлив. А мы с девочками пойдем... подышим воздухом.

Она уходит, цокая каблуками. Я выдыхаю.

— Ты только что нажила себе врага, — тихо говорит Александр.

— Она твоя бывшая? — догадываюсь я.

— Два месяца назад. Расстались по моей инициативе.

— Неудивительно, — фыркаю я. — С таким характером только в одиночестве и сидеть.

Александр смеется и притягивает меня ближе.

— Ты невероятна, — шепчет он мне в волосы. — Знаешь это?

— Знаю, — спокойно отвечаю я. — Надеюсь, мне за это доплачивают?

— Всё, что захочешь.

Он смотрит на меня, и в его глазах столько тепла, что мне становится страшно. Потому что я понимаю: это уже не игра. Не только игра.

Глава 4: Первый поцелуй

К двум часам ночи от громкой музыки начинает болеть голова. Я незаметно сбегая на террасу, подальше от всех этих лиц, смеха и притворства.

Здесь тихо. Свежо. Ночь пахнет цветами и прохладой. Я облакачиваюсь на перила и смотрю на звезды, которых в городе почти не видно.

— Устала?

Голос Александра за спиной. Я не оборачиваюсь.

— Немного. Много лиц. Много фальши.

— Привыкнешь, — он подходит ближе, встает рядом. — Хотя зачем тебе привыкать? Год пролетит быстро.

— Год, — эхом повторяю я. — А потом?

— Потом ты получишь деньги, я — наследство. И разойдемся, как в море корабли.

От этих слов становится холодно. Почему-то очень холодно, хотя ночь теплая.

— Правильно, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Так и должно быть.

— Алиса, — он поворачивается ко мне, берет за подбородок, заставляя смотреть в глаза. — Ты чего?

— Ничего, — я отстраняюсь. — Просто задумалась. Всё хорошо.

— Не ври, — он не отпускает. — Я вижу. Что случилось?

— Ничего не случилось, — я пытаюсь улыбнуться. — Просто странно всё это. Сегодня я твоя невеста, завтра — никто. Играем в семью, а на самом деле...

— А на самом деле? — он смотрит пристально.

— А на самом деле мы чужие люди, которые подписали бумажку.

Тишина. Только ветер шумит в кронах деревьев.

— Ты права, — наконец говорит Александр. — Мы чужие. Но знаешь что? Я не хочу, чтобы ты была чужой.

— Саша...

— Я знаю, что говорю, — перебивает он. — Я знаю про контракт. Про пункт «без чувств». Про то, что это всё неправильно. Но когда ты сейчас стояла здесь, такая красивая, такая настоящая, я подумал: а что, если... что, если мы попробуем по-настоящему?

У меня перехватывает дыхание.

— Ты предлагаешь... нарушить контракт?

— Я предлагаю подумать, — он делает шаг ближе. — Не сейчас. Не сегодня. Просто... позволить себе чувствовать. Без бумажек, без правил, без страха.

— Я не могу, — шепчу я. — Я боюсь.

— Чего?

— Всего. Тебя. Себя. Этого. — я обвожу рукой пространство между нами. — Ты — мажор, миллионер, человек из другого мира. А я — девушка из хрущевки, с долгами и больной мамой. Мы не пара. Ни по-настоящему, ни понарошку.

— Кто это решил? — его голос становится жестким. — Кто придумал эти правила?

— Жизнь придумала, — я смотрю ему в глаза. — И она права. Посмотри на меня. Посмотри на себя. У нас нет будущего. Есть только год по контракту. И я не хочу, Саша. Не хочу влюбляться в тебя, чтобы потом разбить сердце.

Я отворачиваюсь, потому что иначе разревусь. Потому что уже поздно. Потому что я уже влюбилась.

Секунда. Две. Три.

— Алиса, — его голос тихий, хриплый. — Посмотри на меня.

Я не оборачиваюсь.

— Пожалуйста.

Я оборачиваюсь.

Он стоит близко. Слишком близко. В его глазах столько всего — нежность, боль, надежда, страх. И желание. Такое сильное, что я чувствую его кожей.

— Я не знаю, что будет через год, — говорит он. — Но я знаю, что сейчас, в эту секунду, я хочу тебя поцеловать. Не по контракту. Не для игры. Просто потому что не могу больше стоять рядом и не делать этого.

— Саша...

— Я знаю, что ты скажешь «нет». Ты права, это всё безумие. Но дай мне один поцелуй. Один. А потом я отстану. Обещаю.

Я смотрю на него. На его губы. На его глаза. И понимаю,

что сопротивляться бесполезно.

— Один, — шепчу я. — Только один.

Он наклоняется медленно, давая мне шанс отстраниться. Я не отстраняюсь. Я замираю, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле.

Его губы касаются моих.

И мир взрывается.

Это не просто поцелуй. Это ядерный взрыв, землетрясение, конец света. Его губы мягкие, теплые, настойчивые. Он целует так, будто я — воздух, а он задыхался всю жизнь. Его руки ложатся на мою талию, притягивая ближе. Мои руки сами собой обвивают его шею.

Я таю. Я растворяюсь. Я исчезаю в этом поцелуе, в его запахе, в его тепле.

Он углубляет поцелуй, и я чувствую вкус шампанского на его губах. Я стону — непроизвольно, тихо, но он слышит, и его руки сжимаются сильнее. Он проводит ладонями по моей спине, по открытой коже, и я выгибаюсь от этого прикосновения.

Мы отрываемся друг от друга только через минуту, когда воздух заканчивается окончательно. Я смотрю на него затуманенным взглядом. Он смотрит на меня так, будто я — чудо.

— Один, — хрипло говорит он. — Я обещал один.

— Это был один, — шепчу я.

— А если я хочу ещё?

— Тогда ты нарушаешь обещание.

— К черту обещания.

Он целует меня снова. И я позволяю. Потому что не могу не позволить. Потому что это лучшее, что было в моей жизни. Потому что я пропала.

В этот раз поцелуй глубже, жарче, отчаяннее. Его руки блуждают по моей спине, по талии, по бедрам. Я чувствую, как напряжено его тело, как сильно он хочет большего. Я тоже хочу. Боже, как я хочу.

— Алиса, — шепчет он мне в губы. — Если мы не остановимся сейчас, я затащу тебя в ближайшую спальню и не выпущу до утра.

— И? — выдыхаю я.

Он замирает. Смотрит в мои глаза.

— Ты серьёзно?

— Я не знаю, — честно отвечаю я. — Я ничего не знаю. Я знаю только, что не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

— Он не закончится, — его голос низкий, вибрирующий. — Но если мы сделаем это... обратной дороги не будет. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— И ты готова?

Я смотрю на него. На красивого, нереального, опасного мужчину, который перевернул мою жизнь за несколько дней. И понимаю, что готова. Готова ко всему.

— Да.

Мы не доходим до спальни.

Мы выходим с террасы, проходим через коридор, минуя гостей, которые смотрят на нас с понимающими улыбками. Александр держит меня за руку, ведет куда-то на второй этаж. Я почти бегу за ним на каблуках, чувствуя, как адреналин пульсирует в крови.

— Саша, — шепчу я. — Куда мы?

— В тихое место, — отвечает он, не оборачиваясь. — Где нас никто не найдет.

Мы заходим в какую-то комнату — то ли кабинет, то ли библиотеку. Темно, только свет луны из окна. Александр закрывает дверь и поворачивается ко мне.

Мы стоим друг напротив друга. Тяжело дышим. Смотрим.

— Я схожу с ума, — говорит он. — Ты это понимаешь?

— Понимаю, — киваю я. — Я тоже.

— Мы нарушаем контракт.

— Мы нарушаем все мыслимые правила.

— Мне плевать.

— Мне тоже.

Он делает шаг. Ещё один. Прижимает меня к двери. Его тело — горячее, твердое, желанное. Я чувствую каждый его сантиметр, каждую мышцу.

— Скажи "нет", — шепчет он. — Скажи, и я остановлюсь.

Я смотрю в его глаза. В них — бездна. И я хочу упасть в

эту бездну.

— Не говори глупостей, — отвечаю я и тянусь к его губам сама.

Он стонет, когда я целую его. Настоящий, мужской стон, от которого у меня подкашиваются ноги. Он подхватывает меня, прижимая сильнее. Я чувствую, как его руки скользят по моим бедрам, задирают платье. Как его пальцы касаются кожи, и от каждого прикосновения по телу бегут мурашки.

— Какая же ты красивая, — выдыхает он. — Какая же ты...

Договорить он не успевает.

Потому что дверь за моей спиной открывается.

Мы отскакиваем друг от друга как ошпаренные. На пороге стоит Руслан с бутылкой шампанского в руках и офигевшим лицом.

— Ой, — говорит он. — Я, кажется, не вовремя.

— Руслан, — рычит Александр. — У тебя есть три секунды, чтобы исчезнуть.

— Понял, уже ушел, — Руслан закрывает дверь. Из-за двери доносится: — Только вы там это... не сломайте ничего. Мебель дорогая!

Мы стоим в тишине. Потом я начинаю смеяться. Александр смотрит на меня, и тоже смеется. Мы смеемся, как сумасшедшие, прижимаясь друг к другу, и я понимаю: момент упущен.

— Не судьба, — говорит он, вытирая слезы.

— Или судьба предупреждает, — улыбаюсь я. — Не то-ропись, мол.

— Ты веришь в судьбу?

— После сегодняшнего вечера — начинаю.

Он смотрит на меня долго. Потом целует в лоб. Нежно, почти по-братски.

— Поехали домой, — говорит он. — Провожу тебя.

— Поехали.

Мы выходим из комнаты, и я чувствую: что-то изменилось. Между нами. Внутри меня. Контракт порван. Правила забыты.

Я влюбилась.

И это самое страшное, что могло случиться.

В три часа ночи я лежу в своей кровати и смотрю в потолок. Уснуть невозможно. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу его лицо, чувствую его губы, слышу его голос.

Телефон вибрирует. Сообщение.

Саша: Ты спишь?

Я: Нет.

Саша: Я тоже. Думаю о тебе.

Я: Это нарушает контракт.

Саша: К черту контракт. Я хочу тебя видеть.

Я: Сейчас? Три ночи.

Саша: Сейчас. Я под твоими окнами.

Я подлетаю к окну. Отдергиваю занавеску. Внизу стоит

его машина. Он сам стоит рядом, задрав голову, и смотрит на мое окно.

Я:Ты сумасшедший.

Саша:Знаю. Спустишься?

Я смотрю на себя в зеркало — растрепанная, без макияжа, в старой пижаме. И понимаю, что мне плевать.

Я:Жди.

Я выбегаю на лестницу, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Это безумие. Это катастрофа. Это самое лучшее, что случалось со мной в жизни.

Дверь подъезда открывается, и я вижу его. Он стоит в свете фонаря, такой красивый, такой настоящий. И улыбается.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — отвечаю я.

И между нами снова искрит.

Пока ты веришь

Diva

<https://litnet.com/shrt/mzXh>

Дока мы
ВЕРИШЬ

DIVA

Глава 5: Ночь без правил, или Когда пункт 7 перестает существовать

Я бегу по лестнице вниз, и сердце колотится где-то в горле. Пятый этаж. Четвертый. Третий. Второй. Я даже лифт не стала ждать — слишком долго. На мне старая пижама — фланелевые штаны с мишками и растянутая майка. Волосы торчат в разные стороны. Лицо без грамма косметики.

И мне плевать.

Потому что он там. Стоит под фонарем в три часа ночи и смотрит на мое окно. Потому что он сумасшедший. Потому что я, кажется, тоже.

Первая дверь подъезда. Вторая. Уличная.

Я вылетаю на улицу, и ночной воздух обжигает легкие. Он стоит в десяти метрах — высокий, красивый, нереальный. Свет фонаря выхватывает его лицо, и я вижу, как он улыбается. Та самая улыбка, от которой у меня подкашиваются колени.

— Привет, — говорит он.

— Привет, — выдыхаю я.

Мы стоим и смотрим друг на друга. Между нами — десять метров и целая вселенная.

— Ты в пижаме, — замечает он. В голосе смешинка.

— Ты в костюме за полмиллиона, — парирую я. — И что?
— И ничего, — он делает шаг ко мне. — Ты прекрасна.
— В штанах с мишками?
— Особенно в штанах с мишками.

Он подходит ближе. Еще ближе. Теперь между нами сантиметры. Я чувствую его запах — тот самый, древесный, с нотками цитруса. Чувствую тепло, которое идет от него. Чувствую, как мое тело реагирует на его близость — мурашки, дрожь, ток.

— Зачем ты приехал? — шепчу я.

— Не мог уснуть, — он проводит пальцем по моей щеке, убирая выбившуюся прядь. — Думал о тебе. О нашем поцелуе. О том, что я идиот, что не остался.

— Нас прервали, — напоминаю я.

— Руслан заплатит за это, — усмехается он. — Я уже придумал двадцать способов мести.

Я смеюсь, и смех выходит хриплым, нервным.

— Саша, что мы делаем? Три часа ночи, я в пижаме, ты... ты просто сумасшедший.

— Знаю, — он берет мое лицо в ладони. — Но ты вышла. Ты вышла ко мне. Значит, ты такая же сумасшедшая.

Он прав. Я такая же. И это страшно.

— Что теперь? — спрашиваю я.

— Теперь? — он смотрит на меня, и в его глазах столько всего, что я тону. — Теперь я хочу тебя поцеловать. Не один раз, как договаривались. А столько, сколько ты позволишь.

— А если я не позволю?

— Тогда я буду стоять здесь и смотреть на тебя до утра. Тоже неплохо.

— Ты ненормальный.

— Абсолютно.

Я смотрю на него. На его губы. На его глаза. На то, как бьется жилка у него на шее. И понимаю: сопротивляться бесполезно. Я уже пропала. Еще вчера. Еще позавчера. Еще в тот момент, когда он подошел ко мне в баре и сказал: «Вы выглядите так, будто вам нужен кто-то, кто просто посидит рядом».

— Поцелуй меня, — шепчу я.

Он не заставляет просить дважды.

Его губы на моих — и мир снова взрывается.

Это не так, как в первый раз. Тогда было осторожно, пробоюще, нежно. Сейчас — жадно, отчаянно, как будто мы оба тонем и друг для друга — единственный глоток воздуха.

Он целует меня, и я чувствую каждой клеточкой, как сильно он хочет. Как напряжено его тело. Как его руки сжимаются на моей талии, притягивая ближе, еще ближе, настолько близко, что между нами не остается расстояния.

Я отвечаю. Боже, как я отвечаю. Мои руки зарываются в его волосы, я тяну его к себе, я сама углубляю поцелуй, я кусаю его нижнюю губу, и он стонет — тихо, хрипло, так, что у меня подкашиваются ноги.

— Алиса, — выдыхает он мне в губы. — Алиса, ты...

Он не договаривает. Потому что я снова его целую. Потому что не могу остановиться. Потому что его вкус — лучше любого наркотика.

Мы целуемся под фонарем, как подростки, забыв про всё на свете. Его руки скользят по моей спине, забираются под майку, и от прикосновения его горячих ладоней к моей коже я выгибаюсь дугой.

— Холодно, — шепчет он. — Ты замерзнешь.

— Мне не холодно, — это правда. Мне жарко. Очень жарко.

— Поехали ко мне, — говорит он, отрываясь от моих губ. — Только не подумай ничего такого... Просто посидим, поговорим. Или просто помолчим. Я не могу тебя отпустить, Алиса. Не сейчас.

Я смотрю на него. На этого мужчину, которого знаю всего несколько дней. На этого мажора, который перевернул мою жизнь. На этого сумасшедшего, который приехал ко мне в три ночи.

— Поехали, — говорю я.

Мы едем в его машине, и город за окном проплывает огнями. Ночная Москва красива — пустые улицы, разноцветные вывески, мосты, подсвеченные огнями. Я смотрю в окно, но вижу только его отражение в стекле.

— О чем думаешь? — спрашивает он.

— О том, как быстро летит жизнь, — отвечаю я. — Еще неделю назад я сидела в баре и считала копейки. А сегодня

еду в машине за сто тысяч долларов к мужчине, который...

— Который что?

— Который сводит меня с ума.

Он поворачивается ко мне. Улыбается той самой улыбкой.

— Это хорошо или плохо?

— Понятия не имею, — честно отвечаю я. — Спроси через год.

— Через год, — эхом повторяет он. — А если я не хочу ждать год?

— Саша...

— Я знаю, — перебивает он. — Контракт, правила, пункт 7. Но когда я целую тебя, я забываю про всё это. Когда ты смотришь на меня своими глазами, я готов послать к черту наследство, пари, всё.

— Не говори так, — шепчу я. — Ты пожалеешь.

— Не пожалею.

— Пожалеешь. Завтра утром встанешь и подумаешь: «Что я наделал? Связался с девушкой из трущоб, разрушил все планы...»

Он резко тормозит. Прямо посреди дороги. Счастье, что ночью машин нет.

— Слушай меня, — он поворачивается ко мне. — Слушай и запоминай. Мне плевать, откуда ты. Мне плевать, сколько у тебя денег. Мне плевать на всё, кроме одного — ты. Ты, Алиса. Со своим характером, своей гордостью, своей дурацкой пижамой с мишками. Ты — лучшее, что случилось в мо-

ей жизни за последние... может быть, вообще когда-либо.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты меня не знаешь, — шепчу я. — Мы знакомы несколько дней.

— Иногда достаточно нескольких секунд, — он берет мою руку, переплетает пальцы. — Я знаю достаточно. Я знаю, что ты смеешься, когда тебе страшно. Что ты кусаешь губы, когда волнуешься. Что ты носишь часы отца, потому что не можешь с ними расстаться. Что ты готова на всё ради семьи. Что ты сильная, даже когда кажешься слабой. Что ты...

— Саша, — я тянусь к нему и целую сама, потому что если не сделаю этого сейчас, то просто разорвусь.

Мы целуемся посреди пустой дороги, в машине, припаркованной прямо на проезжей части. И мне плевать. Мне абсолютно плевать.

Мажор для Маргаритки. Пари на счастье

Мирослава Меленская

<https://litnet.com/shrt/cdN0>

МИРОСЛАВА
Меленская

МАЖОР
для
Маргаритки

ПАРИ НА СЧАСТЬЕ

Глава 6: Точка невозврата

Его квартира находится в небоскребе в центре. Мы поднимаемся на лифте, и я чувствую, как закладывает уши от скорости. Он держит меня за руку, не отпуская ни на секунду.

— Не бойся, — шепчет он.

— Я не боюсь, — вру я.

— Врешь.

— Знаю.

Лифт открывается прямо в прихожую. Я выхожу и замираю.

Это не квартира. Это космический корабль. Огромное пространство, панорамные окна во всю стену, через которые виден весь город. Миллионы огней внизу, как звезды, упавшие на землю. Минималистичная мебель, дорогая, стильная. И тишина. Абсолютная тишина.

— Ничего себе, — выдыхаю я.

— Нравится? — он стоит сзади, почти вплотную.

— Это... невероятно.

— Это просто стены, — он разворачивает меня к себе. — Ты делаешь это место живым.

— Саша, — я смотрю на него. — Ты говоришь слишком красиво для человека, который утверждает, что он не поэт.

— Я не поэт, — он усмехается. — Я просто говорю то, что

чувствую. С тобой по-другому не получается.

Он ведет меня вглубь квартиры. Показывает гостиную, кухню, свой кабинет. Я рассматриваю фотографии на стенах, книги на полках, пытаюсь понять этого мужчину. Кто он? Что он любит? О чем думает, когда остается один?

— Чаю? — предлагает он.

— Кофе, — отвечаю я. — И покрепче. Мне кажется, я не усну сегодня.

— Я тоже, — он улыбается. — Иди сюда.

Мы идем на кухню. Он ставит кофемашину, а я сажусь за барную стойку на высокий стул. Наблюдаю за ним. Как он двигается, как ловко управляется с техникой, как сбрасывает пиджак и закатывает рукава рубашки, открывая сильные предплечья.

У меня внутри всё сжимается от желания.

— Ты смотришь на меня, — замечает он, не оборачиваясь.

— Ты смотришься.

— Нравится?

— Еще не решила, — вру я.

Он оборачивается, подходит ко мне. Встает между моих ног, раздвигая их коленом. Я замираю.

— А так? — шепчет он, наклоняясь. — Так нравится?

— Саша...

— Просто ответь.

Я смотрю в его глаза. В них столько всего — нежность, желание, страх, надежда. И я тону.

— Нравится, — шепчу я. — Очень нравится.

Он целует меня. Медленно, глубоко, смакуя. Я обвиваю его ногами, притягивая ближе. Чувствую, как напряжено его тело, как сильно он хочет. И понимаю, что хочу так же.

— Алиса, — его голос хриплый, срывающийся. — Если мы продолжим, я не смогу остановиться.

— А кто просит останавливаться?

Он замирает. Смотрит на меня.

— Ты уверена?

Вместо ответа я сама целую его. И это ответ.

Он подхватывает меня на руки, и я вскрикиваю от неожиданности. Но он держит крепко, уверенно. Несет куда-то через квартиру, в спальню.

Его спальня — огромная кровать, панорамное окно, звезды над городом. Он опускает меня на кровать и нависает сверху.

— Ты прекрасна, — шепчет он, глядя на меня. — Ты просто...

— Саша, — я тяну его к себе. — Хватит говорить. Целуй.

Он смеется и подчиняется.

Его губы на моих. На шее. На ключицах. Он стягивает с меня майку, и я чувствую прохладный воздух на разгоряченной коже. Его руки — везде. На талии, на груди, на бедрах. Он касается меня так, будто я — сокровище, будто я — хрупкая и драгоценная.

— Какая же ты... — выдыхает он.

— Саша, — я стягиваю с него рубашку, и теперь мы почти обнажены.

Его тело — произведение искусства. Я знаю, что это звучит пафосно, но это правда. Мускулистый, подтянутый, с легкой дорожкой волос от груди вниз, туда, где... я сглатываю.

— Нравится? — он ловит мой взгляд.

— Очень, — шепчу я.

Он целует меня снова, а его руки скользят ниже, стягивая мои пижамные штаны с мишками. Я смеюсь сквозь поцелуй.

— Что? — спрашивает он.

— Мои мишки прощаются с тобой, — хихикаю я.

— Я им благодарен, — серьезно отвечает он. — Они согревали тебя до меня.

— Ты сумасшедший.

— Твоими молитвами.

Он целует меня в живот, в бедро, в колено. Я выгибаюсь от каждого прикосновения. Никогда в жизни я не чувствовала ничего подобного. Каждый нерв, каждая клеточка тела оживает под его губами.

— Саша, — шепчу я. — Пожалуйста...

— Что? — он поднимает голову. — Скажи, чего ты хочешь.

— Тебя, — выдыхаю я. — Я хочу тебя. Сейчас.

— Уверена?

Вместо ответа я притягиваю его к себе и целую так, чтобы

он понял без слов.

Он понял.

Это происходит не сразу. Он медлит, дразнит, сводит с ума. Его пальцы, его губы, его язык исследуют мое тело, и я забываю, как дышать. Я стону, выгибаюсь, царапаю его спину.

— Тише, тише, — шепчет он. — Всё хорошо.

— Саша, я...

— Я знаю, — он целует меня в уголок губ. — Я тоже.

Когда он входит в меня, мир останавливается. На секунду, на миг, на вечность. Я чувствую его внутри себя, чувствую каждым сантиметром своего тела, и это правильнее всего, что было в моей жизни.

— Алиса, — выдыхает он. — Ты...

Я не даю ему договорить. Я двигаюсь навстречу, и мы начинаем танец — древний, как мир, интимный, как дыхание.

Это не просто секс. Это что-то большее. Каждое движение, каждый вздох, каждый взгляд — мы говорим друг с другом на языке, которому не нужны слова.

Он чувствует меня. Знает, когда ускориться, когда замедлиться, когда поцеловать, когда просто смотреть в глаза.

И я лечу. Лечу над городом, над звездами, над всем миром.

— Саша, — шепчу я, когда приближаюсь к краю. — Саша, я...

— Я с тобой, — отвечает он. — Я здесь.

И мы падаем вместе. В бездну. В небо. Друг в друга.

Мажоры. Она в игре

Н. Ж. Граф

<https://litnet.com/shrt/xaOQ>

Н.И. Граф

DES
IGN

МАЖОРЫ

Она в игре

Глава 7: Звонок, который всё меняет

Мы лежим в тишине, переплетенные, мокрые от пота, тяжело дышащие. Я уткнулась носом ему в шею, он гладит меня по спине.

— Ты как? — тихо спрашивает он.

— Жива, — выдыхаю я. — Кажется.

Он смеется, и вибрация отдается во мне.

— Это было... — начинает он.

— Не говори ничего, — перебиваю я. — Просто лежи так.

— Хорошо.

Мы молчим. За окном медленно светлеет небо — скоро рассвет. Я смотрю на этот рассвет из его спальни, лежа в его руках, и понимаю, что обратной дороги нет.

— Саша, — говорю я тихо.

— Ммм?

— Я нарушила контракт.

— Я тоже.

— Что мы будем делать?

Он поворачивается ко мне, смотрит в глаза.

— А что мы хотим делать?

— Я не знаю.

— Я знаю, — он целует меня в лоб. — Я хочу быть с тобой.

Не понарошку, не по контракту. Просто так.

— А наследство?

— Плевать.

— А пари?

— Тем более.

— А твои друзья, семья, весь этот мир, в котором ты живешь?

— Алиса, — он берет мое лицо в ладони. — Послушай меня. Я прожил тридцать лет, и за эти тридцать лет не встречал никого, ради кого мне хотелось бы послать всё к черту. А теперь встретил. И я не собираюсь тебя отпускать.

— Но...

— Никаких «но», — перебивает он. — Просто поверь мне.

Я смотрю на него. На его глаза, в которых сейчас столько искренности, что мне больно. И понимаю, что верю. Глупо, безрассудно, отчаянно — но верю.

— Хорошо, — шепчу я.

— Что «хорошо»?

— Хорошо, я попробую.

Он улыбается той самой улыбкой, от которой у меня подкашиваются колени.

— Это всё, что я прошу, — говорит он. — А теперь спи.

— Не хочу спать, — я провожу рукой по его груди, вниз,

еще ниже. — Я хочу тебя.

— Алиса...

— Ты обещал не отпускать, — шепчу я. — Докажи.

Он смеется и притягивает меня к себе.

— Будь по-твоему.

Я просыпаюсь от того, что солнце светит прямо в лицо.

Щурюсь, переворачиваюсь и утыкаюсь носом в чью-то теплую грудь.

— Доброе утро, — раздается голос надо мной.

Я поднимаю голову. Александр смотрит на меня, и в его глазах столько нежности, что у меня перехватывает дыхание.

— Доброе, — шепчу я.

— Выспалась?

— А который час?

— Одиннадцать.

— Офигеть, — я сажусь в кровати, прижимая к себе одеяло. — Я столько не спала сто лет.

— Расслабься, — он тянет меня обратно. — Никуда не надо. Сегодня только мы.

Я ложусь обратно, прижимаюсь к нему.

— Саша, — говорю я тихо. — А что теперь? С контрактом, с пари, со всем?

— Я порву контракт, — спокойно отвечает он.

— Что? — я вскидываюсь. — Ты с ума сошел? Там же деньги, наследство...

— Плевать, — он смотрит мне в глаза. — Я серьезно, Али-

са. Мне не нужны деньги, которые я получаю ценой тебя.

— Но ты же говорил, что это важно...

— Это было важно до тебя. А теперь есть ты. И всё остальное — ерунда.

Я смотрю на него и понимаю, что сейчас разрыдаюсь. Потому что никто и никогда не говорил мне таких слов. Потому что я не привыкла, чтобы меня выбирали. Потому что это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Саша...

— Тсс, — он прикладывает палец к моим губам. — Не надо слов. Просто будь со мной.

Я киваю и прячу лицо у него на груди. Он гладит меня по голове, и я чувствую себя в безопасности. Впервые за очень долгое время.

— Я люблю тебя, — шепчу я так тихо, что он вряд ли слышит.

Но он слышит.

— Я знаю, — отвечает он. — Я тоже.

Мы лежим, обнявшись, и я почти засыпаю снова, когда его телефон на тумбочке начинает вибрировать.

— Не бери, — мычу я.

— Не возьму, — он тянется, чтобы сбросить, но видит экран и замирает. — Черт.

— Что? — я открываю глаза.

— Это Руслан. Пятнадцать пропущенных.

— И что?

— Что-то случилось, — он садится в кровати. — Прости, мне надо ответить.

Он берет трубку, слушает, и я вижу, как меняется его лицо. Становится жестче, холоднее.

— Понял, — говорит он. — Скоро буду.

Он отключается и поворачивается ко мне.

— Алиса, мне нужно ехать.

— Что случилось?

— Руслан говорит, Вероника что-то раскопала. Про нас. Про контракт. И собирается выложить это сегодня на вечеринке у какого-то важного человека.

У меня внутри всё холодеет.

— Она знает? Про нашу сделку?

— Похоже, что да. И если она это сделает, всё рухнет. Мое наследство, твоя репутация, всё.

Я смотрю на него. На мужчину, которому открылась прошлой ночью. На человека, которого успела полюбить за эти безумные дни.

— Езжай, — говорю я твердо. — Разберись.

— А ты?

— Я буду здесь. Ждать.

Он смотрит на меня долго. Потом целует — крепко, отчаянно.

— Я вернусь, — шепчет он. — Обещаю.

— Я знаю.

Он уходит, а я остаюсь в его огромной кровати, глядя на

потолок, и понимаю: наша сказка только начинается.

Или заканчивается, так и не начавшись.

Я лежу в его постели, вдыхая запах его подушки, и пытаюсь успокоиться. Получается плохо.

Телефон вибрирует. Сообщение от мамы: «Доченька, как ты? Давно не звонила. Скучаю».

У меня сжимается сердце. Мама не знает ничего. Ни про контракт, ни про Сашу, ни про то, что я сейчас лежу в квартире миллионера в трусах и жду, когда решится моя судьба.

Я: Всё хорошо, мам. Работаю много. Позвоню вечером. Целую.

Я откладываю телефон и смотрю в окно. Солнце уже высоко, город шумит внизу, а я здесь — чужая в чужой квартире, влюбленная в чужого мужчину.

Но он уже не чужой. Он — мой. И я сделаю всё, чтобы у нас было будущее.

Даже если для этого придется разрушить всё, что было до.

Король пепла и руин

Юлианна Шиллер

https://litnet.com/shrt/nQ_F

Юлианна
Шиллер

Я СТАНУ
ТВОИМ

КОРОЛЬ
Тепла и руин

Глава 8: Гости из прошлого

Я просыпаюсь от звука открывающейся двери.

Сердце подпрыгивает к горлу. Я сажусь в кровати, прижимая к себе одеяло, и прислушиваюсь. Шаги. Не мужские — цоканье каблуков. Женские. Уверенные. Приближающиеся. Ключ поворачивается в замке — у кого-то есть свои ключи.

— Саш? — раздается голос из коридора. Высокий, капризный, с интонациями избалованной девушки. — Ты здесь? Я заехала забрать свои вещи, ты обещал, что они будут готовы. Я не собираюсь ждать вечно, между прочим...

В дверях спальни возникает она.

Вероника.

Мы смотрим друг на друга. У меня отвисает челюсть. У нее — тоже. Секунда. Две. Три. Тишина звенит так, что закладывает уши.

— Ахренеть, — выдыхает она.

— Аналогично, — отвечаю я. Голос хриплый со сна, но я стараюсь звучать уверенно.

Она стоит в проеме — идеальная, как с обложки глянцевого журнала, который печатают в количестве ста экземпляров для таких, как она. Волосы уложены в идеальные локоны, макияж безупречный — даже в десять утра, даже просто «заехать за вещами». Платье облегает фигуру так, что любая модель обзавидуется — вишневое, шелковое, с глубо-

ким вырезом. На ногах туфли — те самые, о которых пишут в инстаграме блогеры-миллионницы, «лимитированная коллекция», стоят больше, чем вся моя одежда вместе взятая за последние пять лет.

В руках — ключи от его квартиры.

Ключи. От его квартиры. У нее.

У меня внутри всё холоднеет, сжимается в тугой комок.

— А где Саша? — спрашивает она, приподнимая идеально выщипанную бровь. В голосе — смесь удивления и насмешки.

— Уехал, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Получается не очень. — По делам.

— По делам, — эхом повторяет она, растягивая слова. — А ты, я смотрю, уже освоилась?

Она обводит взглядом комнату, задерживается на моей голой ноге, торчащей из-под одеяла, на его футболке на мне (огромной, явно мужской), на разбросанной по полу одежде — его брюки, моя пижама с мишками, которую я вчера так и не надела. Ее губы кривятся в усмешке.

— Оперативно работаешь, — говорит она. — Я, конечно, слышала, что у Саши новый проект, но не думала, что настолько... быстрый.

Я сжимаю зубы так, что скулы сводит.

— Что тебе нужно?

— Я же сказала — вещи, — она проходит в комнату, цокая каблуками по паркету, и направляется к огромному

встроенному шкафу, занимающему всю стену. Открывает дверцы и начинает копаться на полках, вытаскивая какие-то коробки, сумки, явно женские.

Я смотрю на это и чувствую, как внутри закипает что-то темное и липкое. Она здесь хозяйка. Она знает, где что лежит. У нее есть ключи. Она спала в этой кровати. Она...

— Мы расстались два месяца назад, — говорит она, не оборачиваясь, будто читает мои мысли. — Но я оставила кое-что до лучших времен. Думала, вернусь. Саша, знаешь, такой... он всегда возвращается. Бывало, поссоримся, он уйдет, а через неделю сам звонит. Привычка. Но теперь, вижу, не судьба.

Она бросает на меня быстрый взгляд через плечо. В нем — смесь презрения, любопытства и чего-то еще, похожего на... предупреждение?

— И давно вы? — спрашивает она, продолжая копаться в шкафу.

— Не твое дело.

— Ой, брось, — она усмехается, выпрямляется и поворачивается ко мне, скрестив руки на груди. — Мы же девочки. Можем поговорить по-женски. Расскажи подруге.

— Ты мне не подруга.

— А кто? Соперница? — она смеется, и смех неприятный, колющий, как битое стекло. — Милая, ты даже не в моей лиге. Посмотри на себя — глаза опухшие со сна, волосы торчат, на лице ни грамма косметики, и ты в его футболке, как... как

девушка, которая случайно заночевала после вечеринки. Я с Сашей два года была. Два года! Знаешь, сколько я в него вложила?

— Вложила? — я приподнимаю бровь, хотя внутри всё кипит. — Он тебе не инвестиция.

— Для таких, как ты — возможно. Для таких, как я — вполне, — она подходит ближе, и я чувствую запах ее духов — дорогих, тяжелых, с нотами пачули и чего-то сладкого. — Но ты не понимаешь, ты же из... — она окидывает меня взглядом с ног до головы, — ...откуда ты вообще? Судя по лицу, спальный район, мама учительница или медсестра, папа то ли спился, то ли умер, денег вечно не хватало, и ты привыкла выживать. Я угадала?

Я встаю с кровати.

Медленно. Очень медленно. Ноги дрожат, но я держусь. Поправляю футболку, которая сползает с плеча, заправляю за ухо выбившуюся прядь. Смотрю ей прямо в глаза.

— Слушай сюда, Вероника, — говорю я тихо, но отчетливо. — Я не знаю, зачем ты пришла. Не знаю, что ты хочешь доказать. Может, ты думаешь, что унизив меня, вернешь его? Так вот — не вернешь. Он ушел от тебя два месяца назад. И не потому, что я появилась. А потому что ты — пустое место. Ты — красивая обертка без конфеты.

У нее дергается щека.

— А твое мнение о мне меня не волнует, — продолжаю я. — Забери свои вещи и убирайся. Ключи оставь на тумбочке.

Она смотрит на меня с интересом. В ее глазах что-то меняется — удивление смешивается с уважением.

— Ого, — говорит она. — Зубки есть. Неожиданно. Саша всегда любил бойких, но обычно они долго не задерживались. Он быстро устает от женщин, которые пытаются им командовать. Посмотрим, сколько продержишься ты.

Она заканчивает собирать вещи — две большие сумки, явно дорогие, явно ее. Застегивает молнии, поправляет ремешки. Потом поворачивается ко мне. В руках у нее — ключи.

— Кстати, — говорит она с ядовитой улыбкой. — Ты знаешь про контракт?

У меня внутри всё обрывается. Сердце пропускает удар, потом начинает колотиться как бешеное.

— О чем ты?

— Не прикидывайся, — она смеется, и этот смех режет хуже ножа. — Я всё знаю. Про пари, про условия, про пункт «без чувств». У меня везде свои люди. И знаешь что? Мне даже жаль тебя.

Она делает шаг ко мне.

— Думаешь, ты особенная? Думаешь, он тебя правда выбрал? Он просто выполняет условия игры. Ему нужна была девушка, которая согласится на фиктивный брак. И ты попалась. Удобно, правда? Бедная, красивая, отчаявшаяся — идеальный вариант. Согласится на всё, будет благодарна, не станет качать права.

— Заткнись, — шепчу я.

— А когда игра закончится, — продолжает она, не обращая внимания, — ты останешься у разбитого корыта. Как и все мы. Потому что Саша не умеет любить. Он умеет только владеть. И пользоваться. А когда надоедает — выбрасывает. Я знаю. Я была с ним два года.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри закипает ярость — чистая, белая, обжигающая.

— Знаешь, Вероника, — говорю я спокойно, хотя внутри всё кипит. — Мне плевать, что ты знаешь про контракт. Мне плевать на твои прогнозы и на твои грязные намеки. Да, у нас был контракт. Да, это начиналось как сделка. Но знаешь, что случилось прошлой ночью?

Я делаю шаг к ней.

— Я была с ним. Не по контракту. По любви. И он был со мной — не по расчету, не по игре, а потому что хотел. Потому что не мог без меня. И если ты думаешь, что твои сплетни и интриги что-то изменят — ты ошибаешься. Мы вместе. И мы будем вместе. А ты останешься одна, со своими сумками, ключами и воспоминаниями о том, что у тебя было и что ты просрала.

Она смотрит на меня долго. Очень долго. Потом усмехается.

— Милая, ты правда влюбилась? — в ее голосе появляется что-то похожее на сочувствие. — Бедная девочка. Ну что ж, удачи. Она тебе понадобится.

Она бросает ключи на тумбочку, подхватывает сумки и уходит. Дверь закрывается с тихим щелчком. Тишина.

Я стою посреди комнаты и дрожу.

Мажор. Жестокий спор на недотрогу

Мэри Ли

<https://litnet.com/shrt/OM7Z>

Мэри
Ли

ЖЕСТОКИЙ СПОР
МАЗЖОР
На Недотрогу

Глава 9: Скелеты в шкафу миллионера

Когда звук ее шагов затихает, я позволяю себе выдохнуть. И разрыдаться.

Слезы текут ручьем, я не могу их остановить. Я ненавижу себя за эту слабость, за то, что позволила ей меня задеть, за то, что её слова попали в цель. Потому что она права. Она во многом права.

Я — девушка из спального района. У меня нет денег, нет связей, нет будущего. У меня есть только мама, больная и уставшая, и долги, которые я пытаюсь закрыть. А у него — весь мир. Квартира с панорамными окнами, машины, яхты (наверняка есть яхта), счета в швейцарских банках. И что я могу ему дать? Что я могу предложить такого, чего у него уже нет?

Я иду на кухню, наливаю воды из-под крана, потому что на бутилированную сил нет, пытаюсь успокоиться. Руки трясутся так, что я роняю стакан. Он падает на пол и разбивается вдребезги. Осколки разлетаются по всей кухне.

— Черт! Черт! Черт! — я смотрю на осколки и реву еще сильнее.

Я опускаюсь на пол и начинаю собирать их дрожащими руками. Красивая кухня, дизайнерский пол, и я — вся в сле-

зах, в его футболке, на полу, как последняя идиотка.

Один осколок впивается в палец. Я вскрикиваю, смотрю на выступившую кровь — ярко-красную на белой коже — и чувствую себя полным ничтожеством.

— Алиса?

Голос сзади. Я замираю. Не может быть. Он же уехал. Я оборачиваюсь.

Александр стоит на пороге кухни. Бледный, взъерошенный, в той же одежде, в которой уехал — рубашка помята, пиджак перекинут через руку, под глазами тени. И смотрит на меня так, будто я — призрак. Будто я — самое дорогое, что у него есть, и сейчас это дорогое разваливается на части прямо у него на глазах.

— Саша, — выдыхаю я. Голос хриплый, заплаканный.

— Что случилось? — он подходит быстро, опускается рядом со мной прямо на пол, не обращая внимания на осколки. — Почему ты плачешь? Что с рукой?

— Ничего, — я пытаюсь улыбнуться, но выходит гримаса.

— Я просто дура. Разбила стакан.

Он берет мою руку, смотрит на порез. Кровь все еще сочится, капает на пол.

— Надо обработать, — говорит он. — Пойдем.

— Саша, — я не двигаюсь. — Там была Вероника.

Он замирает. Смотрит на меня.

— Что?

— Пришла за вещами. У неё были ключи. Она... мы по-

говорили.

— Что она тебе сказала?

— Правду, — я смотрю ему в глаза, и слезы снова текут.
— Сказала, что я — девушка из трущоб, которая вляпалась в историю, которая ей не по зубам. Что ты не можешь быть со мной по-настоящему. Что это всё игра. Что ты не умеешь любить, только пользоваться. Что я останусь у разбитого корыта, как и все.

— Алиса...

— И она права, Саша. Она во многом права. Посмотри на меня — я сижу на полу в твоей квартире, в твоей футболке, с разбитым стаканом и порезанным пальцем, и реву, как дура. А ты — ты миллионер, у тебя весь мир у ног. Что я могу тебе дать? Что?

Он смотрит на меня долго. Очень долго. Потом берет мое лицо в ладони — осторожно, нежно, как будто я сделана из хрусталя.

— Слушай меня, — говорит он тихо, но жестко. — Слушай и запоминай.

— Саша...

— Я сказал, слушай.

Я замолкаю.

— Та девушка, которую я встретил в баре неделю назад — она не была из трущоб. Она была королевой, которая просто потеряла корону. Та девушка, которая согласилась на безумную сделку, чтобы спасти семью — она героиня, а не жертва.

Та девушка, которая прошлой ночью была со мной — она лучшая, что случалась в моей жизни за все тридцать лет.

— Но...

— И та девушка, которая сейчас сидит передо мной, вся в слезах, с порезанным пальцем, в моей футболке — она самая красивая, самая настоящая, самая моя. И я не позволю какой-то озлобленной бывшей, которая ничего не значит в моей жизни, разрушить то, что между нами.

— Саша, я...

— Я люблю тебя, Алиса, — говорит он. — Слышишь? Люблю. Не за контракт, не за игру, не за то, что ты согласилась на эту авантюру. Просто тебя. За то, как ты смеешься. За то, как кусаешь губы, когда волнуешься. За то, как смотришь на мир своими огромными глазами, будто видишь в нем что-то, чего не вижу я. И если ты сейчас скажешь, что хочешь уйти — я не буду держать. Но знай: я буду бороться за тебя до последнего. До конца. Пока ты не согласишься, что мы — настоящие.

Я смотрю на него. В его глаза. В них столько искренности, столько боли, столько надежды, что мне становится больно физически.

— Я тоже тебя люблю, — шепчу я. — И это самое страшное.

Он улыбается — той самой улыбкой, от которой у меня подкашиваются колени.

— Почему страшное?

— Потому что я никогда не любила. Потому что я не знаю, как это — быть любимой. Потому что ты — первый, и если ты разобьешь мне сердце, я не соберу его обратно.

— Я не разобью, — он целует меня в лоб. — Обещаю.

— Ты не можешь этого обещать.

— Могу. И обещаю.

Он прижимает меня к себе, и я чувствую, как его руки обнимают меня, защищают, согревают. И мне становится легче. Немного. Но легче.

Мы сидим на полу кухни, среди осколков разбитого стакана, обнявшись, и я постепенно перестаю дрожать.

— Давай обработаем руку, — говорит он наконец.

— Давай.

Он ведет меня в ванную, сажает на край, достает аптечку — огромную, профессиональную, как в больнице.

— Ты что, операции дома проводишь? — удивляюсь я.

— Я спортсмен, — усмехается он. — Травмы бывают. А ты теперь в моей жизни, так что придется терпеть мою паранойю.

Он обрабатывает порез — аккуратно, нежно, сосредоточенно. Я смотрю на его руки — сильные, уверенные, с длинными пальцами. Руки, которые час назад касались меня так, что я забывала свое имя.

— Готово, — говорит он, заклеивая палец пластырем. — Жить будешь.

— Спасибо, доктор.

— Обращайся.

Он поднимает глаза, и мы встречаемся взглядами. Между нами снова возникает то самое — электричество, искра, притяжение.

— Саша, — шепчу я.

— Ммм?

— Поцелуй меня.

Он не заставляет просить дважды.

Его губы на моих — и мир снова перестает существовать. Только он и я. Только этот поцелуй — глубокий, отчаянный, жадный. Я чувствую его дыхание, его запах, его руки на своей талии.

— Ты пахнешь ею, — вдруг говорю я, отстраняясь.

— Что?

— Её духами. Ты пахнешь Вероникой.

Он замирает. Смотрит на меня.

— Я был у неё, — говорит он. — Разговаривал. Просил не выкладывать правду про контракт. Она согласилась, но с условием.

— С каким?

— Я должен прийти на её вечеринку сегодня вечером. С тобой. И сделать вид, что мы просто пара. Без скандалов, без разборок, без драм. Как будто ничего не случилось.

— Ты согласился?

— А у меня был выбор?

Я молчу. Смотрю на него. На его глаза — в них усталость

и злость на себя.

— Если она выложит правду, — продолжает он, — мой дед перепишет наследство на благотворительность. И я останусь ни с чем. Не потому что я жадный, Алиса. А потому что я не хочу быть ни с чем, когда у меня есть ты. Я хочу дать тебе всё. Дом, безопасность, будущее. Понимаешь?

Я понимаю. И от этого еще горше.

— Мы пойдем, — говорю я. — Наденем маски и пойдем. Сделаем вид, что мы счастливы, что нас ничего не сломает, что мы — идеальная пара.

— Алиса...

— Но знаешь что, Саша? — я смотрю ему в глаза. — Сегодня днем ты мой. Только мой. Без контракта, без правил, без Вероники и всего мира. Без ее духов на твоей коже. Просто мы. Хорошо?

Он смотрит на меня, и в его глазах загорается тот самый огонь — голодный, жаркий, опасный.

— Хорошо, — хрипло отвечает он.

Я тяну его за рубашку к себе. Целую — сильно, требовательно, собственнически. Сдираю с него эту рубашку, чтобы стереть с нее запах другой женщины. Прижимаюсь всем телом.

— Здесь? — выдыхает он между поцелуями.

— Здесь, — отвечаю я. — На полу, на коврикe, где угодно. Ты мой.

Он подхватывает меня на руки и несет обратно в спальню.

Я смеюсь, прижимаясь к его шее.

— Я думала, на полу.

— На полу — это для романтики. А я хочу тебя по-нормальному.

— Мы уже выяснили, что мы ненормальные.

— Значит, будем нормальными ненормальными.

Он опускает меня на кровать и нависает сверху. Я смотрю в его глаза и вижу в них свое отражение.

— Я люблю тебя, — говорю я.

— Я знаю, — улыбается он. — Я тоже.

Ты — моя ставка

Леа Кинг

<https://litnet.com/shrt/C6Z0>

Леа
Кинг

Ты Моя Ставка

Прогрызши невозможен. Отступление — тоже.

Глава 10: То, что правильно

Это был совсем другой вид близости. Не похожий на лихорадочный, почти отчаянный порыв прошлой ночи, когда мы набрасывались друг на друга так, словно это был наш последний час на Земле. Сейчас время будто остановилось, растеклось тягучим медом по нашим разгоряченным телам. Мы смаковали каждое мгновение, словно дегустируя редкое вино — с чувством, с толком, с бесконечной нежностью. Каждое прикосновение отдавалось эхом в кончиках пальцев, каждый вздох становился частью общего ритма.

Солнце уже поднялось выше и теперь нагло врывалось в комнату, заливая ее янтарным, жидким золотом. В этом щедром свете я видела его так, словно впервые. Каждую черточку. Каждую ресницу, отбрасывающую тень на щеку. Четкую линию губ, тронутых легкой улыбкой. Я видела, как перекатываются тугие мышцы под его загорелой кожей, когда он двигался, даря мне это сладкое томление. Я видела, как его зрачки расширяются, поглощая радужку, когда он встречается со мной взглядом — в этом взгляде было столько обожания, что у меня захватывало дух.

— Какая же ты красивая, — его голос был хриплым, низким, вибрирующим. — На солнце... особенно. Ты сейчас светишься вся.

— Саша... — мне хотелось сказать что-то важное, но слова

тонули в ощущениях.

— Тсс... — он прижал палец к моим губам. — Дай мне налюбоваться. Не отвлекай.

Его губы коснулись моей шеи, находя то самое место, где под тонкой кожей бешено бился пульс, выдавая мое волнение. Поцелуй был легким, дразнящим, заставляя кожу покрываться мурашками. Затем он двинулся ниже, очерчивая губами ключицы, спускаясь к груди, касаясь языком соска, отчего по позвоночнику пробежала горячая волна. Я выгнулась навстречу ему, запуская пальцы в его мягкие, чуть влажные волосы, притягивая ближе, умоляя не останавливаться. Он целовал мой живот, обжигая кожу даже там, где солнечные лучи уже успели создать свое тепло.

— Саша, я... — всхлипнула я, теряя нить реальности.

— Что? — он поднял голову, и в глубине его глаз заплясали знакомые озорные чертики. Он знал, что со мной делает. Знал и наслаждался моей властью.

— Я хочу тебя чувствовать, — выдохнула я, глядя прямо в эти глаза. — Всего. Целиком. Прямо сейчас.

— Чувствуй, — ответил он, и это слово прозвучало как клятва.

Когда он вошел в меня, мир перестал существовать. Медленно. Глубоко. Не разрывая зрительного контакта. Я выдохнула, обвивая его ноги своими, чувствуя, как мы становимся единым целым. Наши тела двигались в одном ритме — ритме, который знает каждый влюбленный с начала времен, в

котором нет ничего, кроме правды и абсолютного доверия.

— Алиса, — шептал он мое имя, как молитву, как заклинание. — Алиса... ты моя.

— Твой, — вторила я ему, задыхаясь. — И ты мой.

Мы кончили почти одновременно, и это было похоже на взрыв сверхновой. Я вскрикнула, впиваясь ногтями в его спину, чувствуя соленый вкус его пота на своих губах. Он глухо застонал, уткнувшись лицом в изгиб моей шеи, и его тело содрогалось в такт моему.

А потом мы просто лежали на полу, среди разбросанных подушек и одеял, переплетенные, мокрые, обессиленные. Счастливые до умопомрачения.

— Мы ненормальные, — произнесла я, глядя в белый потолок, по которому плясали солнечные зайчики. — Заниматься любовью на полу... когда вокруг осколки.

— Самые нормальные люди на свете, — его ладонь медленно поглаживала мой живот, успокаивая, возвращая в реальность. — Просто мы, наконец, нашли друг друга.

— Поэтично, — усмехнулась я.

— Я же говорил, я не поэт. — он улыбнулся, но в глазах мелькнула тень. Воспоминание о том, что ждет нас за дверьми этой залитой солнцем комнаты.

Я перевернулась на бок, чтобы видеть его лицо.

— Саша, — мой голос стал серьезным. — Что мы будем делать сегодня вечером?

Он не отвел взгляда. Ни тени сомнения.

— Играть. Играть так, как никогда раньше. Улыбаться нашим врагам так, будто они лучшие друзья. Пить шампанское с теми, кто мечтает о нашей смерти. И делать вид, что мы чертовски счастливы, что у нас все прекрасно.

— А мы... мы счастливы? — вопрос повис в воздухе, на полном ароматами страсти и близости.

Он посмотрел на меня. Долго. Пристально, проникая взглядом в самую душу. И в этом взгляде я прочитала все ответы.

— Я — да, — сказал он тихо, но твердо. — Впервые в жизни. А ты?

Секунду я молчала, прислушиваясь к себе. К тишине внутри, к теплу в груди. К этому невероятному чувству, когда ты дома.

— Я тоже, — улыбнулась я.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб, долгим, нежным поцелуем.

— Тогда поехали. Покажем им, что такое настоящее счастье.

Но я не спешила вставать. Я приподнялась на локте, бросив взгляд на осколки разбитой вазы, которые поблескивали в углу, напоминая о ночной буре.

— Но сначала, — сказала я с хитринкой, — мы должны собрать осколки. А то порежемся еще. Не хватало только крови на ковре перед выходом в свет.

— А потом? — спросил он, с готовностью принимая пра-

вила этой маленькой игры.

— А потом? — я провела ладонью по его груди, медленно скользя пальцами ниже, по рельефному прессу, останавливаясь у самой границы бедер. — Потом у нас есть еще пара часов до вечера. Нужно же их чем-то занять.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой, от которой у меня внутри все переворачивалось.

— Ты меня угробишь, женщина.

— Зато весело, — прошептала я, притягивая его для поцелуя.

Глава 11: Сборы

Ближе к шести вечера мы наконец выползаем из постели. Точнее, выползаю я. Саша уже сидит на кровати, смотрит на часы, а я чувствую себя выжатым лимоном. Ноги ватные, в теле приятная, но абсолютная пустота — то состояние, когда даже пальцем пошевелить лень, а все мысли только о том, чтобы снова провалиться в сон.

— Алиса, нам пора, — мягко, но настойчиво говорит Саша. — Через час выезжать. Нужно еще собраться.

Я только мычу в ответ и зарываюсь лицом в подушку, делая вид, что меня не существует. Я — амеба. Я — часть этого одеяла.

— Я не могу, — голос звучит глухо из-под подушки. — Я официально заявляю: я умерла. Прошу похоронить меня в этой кровати, с почестями и без будильника.

— Алиса. — В его голосе проскальзывают смешливые нотки.

— Я труп, Саша. Это всё ты. Ты меня убил. Признавайся в содеянном.

Он тихо смеется и садится рядом, глядя меня по спине через

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.